

Ольга Викторовна Трофимова

ЧЕЛОБИТНЫЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА)

*По данным «Словаря русского языка XVIII века», слово *дискурс* фиксируется в русских текстах с 1709 года в значениях 'разговор, беседа (обычно в речи дипломатов)', 'речь, публичное выступление', 'диспут, прения, спор', а также для характеристики 'формы научного изложения или проповеди' [СРЯ XVIII]. Перейдя в научный обиход в XX веке, слово меняет свое понятийное содержание, и дискурсный подход становится оправданным и результативным при анализе любого текста, в том числе и рукописного делового текста последней трети XVIII века.*

В современной лингвистике текста дискурс является основным предметом изучения, причем исследования последних лет приводят к выводу о том, что «термин дискурс вполне может быть применен к деловым текстам XVI–XVII вв.», в частности к кабальным записям, которые, в соответствии с теорией субъектного и бессубъектного дискурса О. Г. Ревзиной, рассматриваются как субъектный дискурс [Зиновьева 2000: 119, 126]. Этот вывод противоречит сложившейся в последние годы традиции, представленной, в частности, в статье Н. Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». В соответствии с традицией, «термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются» [ЛЭС: 137]. Однако изменение понятийного содержания термина дискурс прослеживается в работах многих современных лингвистов, которые уже иначе воспринимают «незвучащую речь, язык «мертвых» памятников прежних эпох». Так, Г. А. Золотова считает, что «критерий доступности не позволяет проводить границу между живым и мертвым по рубежу XIX–XX веков. Эта линия чрезвычайно прихотлива, непостоянна, что не в последнюю очередь зависит от языковой компетенции воспринимающего читателя» [Золотова 1998: 12].

По мнению Н. Д. Арутюновой, в содержание дискурса входит паралингвистическое сопровождение речи [ЛЭС: 137]. Однако эта составляющая дискурса, включающая в себя, например, мимику и жесты (иногда предельно индивидуальные, а порой и случайные), актуальна только для звучащей речи и неприменима ни к одному письменному тексту какого бы то ни было функционального стиля и речевого жанра. Гораздо более важным нам представляется отражение в тексте (по крайней мере в деловом тексте, который, наряду с бытовым, эпистолярным, газетно-публицистическим и т. д., «ориентирован на непосредственную соотнесенность с внеязыковой действительностью» [Золотова 1998: 12]) *прагматической ситуации* как «суммы», с одной стороны, специфических типовых ситуаций («фреймов» и «сценариев»), с другой — личностно-психологических, индивидуальных моментов, обусловленных ментальными процессами участников коммуникации — каждого говорящего (или фиксирующего текст на материальном носителе, бумаге) и его собеседника (или адресата письменного текста). Прагматическая ситуация, обусловившая появление того или иного текста, направлена на дело, деятельность, на изменение внеязыковой действительности. Деловые тексты (обслуживающие общение человека, будь то «физическое» или «должностное лицо», и власти или же властных структур между собой), актуальными коммуникативными задачами которых является, в частности, «объективное информирование о состоянии объекта, ситуации; оформление, передача, восприятие, исполнение волевого решения» [Васильева 1986: 8], в процессе деловой коммуникации за-

нимают достаточно четко закрепленное место и наглядно демонстрируют свою «фреймовую» природу, подчиняясь необходимости соблюдать «жесткие формы регламентации общения, ярко выраженный стандартно-ролевой характер общения», сохраняя «большое разнообразие частных жанров при обычной их строгой стандартизации» [Васильева 1986: 8].

Анализу современного делового дискурса в последнее время посвящены многочисленные исследования в области социо- и прагмалингвистики, психолингвистики, риторики. В частности, административный дискурс как разновидность институционального, т. е. статусно ориентированного, дискурса, как «система жанров, актуальных в общении работников сферы управления», рассматривается Т. В. Анисимовой. Исследователь исходит из понимания институционального дискурса как «образцов вербального поведения, сложившихся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [Анисимова 2000: 9]. Понимание дискурса как определенного «эталона (стандарта, шаблона) общественных отношений» представлено в исследовании польского психолингвиста Е. Бобрыка [Bobryk 1995: 54], который рассматривает деловое общение как приводящее «в конце концов к какому-либо практическому результату, который служит для удовлетворения основных, главных человеческих потребностей», с целью «убедить собеседника в чем-либо, что приведет в будущем к каким-то изменениям в поведении» собеседника [Bobryk 1995: 173]. Тактика и стратегия устного и письменного речевого поведения при реализации современного делового дискурса анализируется в монографии А. П. Панфиловой, которая приходит к выводу, что «общение в условиях нормированной коммуникации доставляет людям истинное наслаждение, создает комфортную среду взаимодействия...» [Панфилова 1999: 482]. Однако в этой книге «практически не рассматривается деструктивная коммуникация: инциденты, конфликты, противоборство, борьба. Проблемы эти всегда актуальны...» [Панфилова 1999: 483]. Деструктивные, конфликтные коммуникации на примере современного политического дискурса исследуются в коллективной монографии под редакцией Т. Н. Ушаковой и Н. Д. Павловой «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса» [Ушакова 2000: 40-91]. Представляется, что предложенная авторами методика может быть полезна и при анализе исторического делового текста, в частности челобитной как реализации интенции (т. е. «субъективной направленности на некий объект», «инструмента соотнесения субъекта с внешним миром» [Ушакова 2000: 10, 11]) челобитчика, убежденного в необходимости разрешить сложившуюся конфликтную ситуацию. Определенный аналог на современном материале (исследование «типической дискурсивной ситуации обвинения» как одного из «типов дискурсивного репертуара») становился объектом изучения в рамках дискурс-анализа Дж. Поттера [Ушакова 2000: 27] и получил свое развитие в исследованиях Т. Н. Ушаковой текстов конфликтного характера, в которых выявлена «отчетливая особенность их интенциональной структуры» — форма «конфликтного треугольника» [Ушакова 2000: 297-298].

Обращаясь к объекту нашего исследования — челобитным ('жалобницам, письменным прошениям' [САР]), которые толкуются в специальной литературе по документоведению и источниковедению как 'прошение, заявление, жалоба (XV-XVIII вв.)' [Малитиков 1974: 79] и по поводу которых сообщается, что «частные лица обращались в государственные учреждения с прошениями, которые в XVIII в. обычно по-прежнему назывались челобитными» [Источниковедение 1998: 395], отметим определенную разнородность этих рукописных документов, адресованных высшей в государстве светской власти — императрице Екатерине II, правившей с 1762 по 1796 год. Для начала укажем, что во всех источниках строго соблюдается предписанный государственным образцом — «Формой о титулах императрицы Екатерины II» [ПСЗ 1762] — трехчастный трафарет, состоящий из формализованных начального протокола, пунктов основной части и собственно про-

шения. Большая часть проанализированных нами источников допускает свободное синтаксическое и лексическое варьирование в основной части [Трофимова 2001а] — это, скорее, реализации «деструктивной коммуникации», собственно челобитные. Однако обнаруживаются корпуса челобитных, реализующих ту или иную коммуникативную модель, повторяющиеся тексты которых содержат переменными составляющими лишь имена собственные и пространственно-временные указатели [Трофимова 2001б]. Эти документы, или собственно прошения, не содержат элементов «деструкции».

При анализе этой второй группы источников не приходится говорить об индивидуальных признаках речи составителя документа, кроме его орфографической выучки и особенностей почерка. За этими документами невозможно увидеть ни личности челобитчика, отбравшего факты экстралингвистической действительности для фиксации их в определенной последовательности в документе (создававшего диктумный «фундамент» текста на основании осмысления описываемой ситуации), ни личности писца, служителя той или иной тюменской канцелярии или просто грамотного человека, оформившего модусную составляющую речевого произведения, завершившего в конкретном тексте взаимодействие четырех текстовых ступеней и объединившего в нем «А. Структурно-семантическое (типовое) значение предикативной единицы. В. Принадлежность ее к речевому регистру. С. Тактику текста. D. Стратегию текста» [Золотова 1998: 445].

По результатам исследования А. И. Сумкиной московских челобитных XVIII в. видно, что в большей части московских источников представлены только обязательные синтаксические, в частности подчинительные, конструкции. Текстов же, «обусловленных влиянием индивидуального речевого строя автора или автора-писца», мало [Сумкина 1987: 85, 86].

Проанализированные нами [Трофимова 2001 в] тюменские материалы последней трети XVIII в. большей частью входят в первую группу источников, т. е. таких текстов, в которых, кроме обязательных синтаксических и лексических элементов, присутствуют дополнительные элементы, реализующие свободные сочинительные, бессоюзные и подчинительные связи предикативных единиц со свободным лексическим наполнением, единиц, в которых называются достаточно частные, неповторимые жизненные ситуации или же привычные, обыденные ситуации, но в уникальной, проистекающей от индивидуальности «действующих лиц», связи. В таких документах может быть выявлена (в определенном приближении к истине более чем двухсотлетней давности) тактика текста, направленная на «превращение языка в дискурс», которой и определяются «приемы и принципы соединения, сцепления единиц, создающие дополнительные смыслы, и конструктивно-семантические, и субъективно-оценочные» [Золотова 1998: 446]. Этот этап исследования документа (анализ тактики) может быть представлен результатами грамматических наблюдений (см. ниже анализ конкретного документа). Он выводит к дискурсивному анализу стратегии текста, о которой авторы «Коммуникативной грамматики русского языка», обращаясь в основном к художественным текстам, пишут следующее: «Текстовая стратегия, в которую входят понятия замысла, позиции, мировосприятия, отношения автора к предмету и поставленной им проблеме, его прагматических интересов, в отличие от тактики, осуществляемой в тексте, стоит как бы за текстом или над текстом. Но стратегия автора — категория гипотетическая, абсолютное знание ее невозможно, и читатель, и исследователь может в разной степени приближаться к нему» [Золотова 1998: 446].

Попытаемся приблизиться к тактике и стратегии «автора» делового текста, к выявлению «индивидуального» дискурса человека, вынужденного для решения своих проблем обращаться к власти с привлечением устоявшегося дискурса документа как максимально эффективного способа представления в слове внеязыковой действительности, преобразуя его в связи с субъективностью восприятия описываемой ситу-

ации. Рассмотрим ситуацию обращения к власти челобитчика бухаретина Абукая Асклева. Челобитная от его имени, написанная копиистом тюменской воеводской канцелярии Федором Мосягиным 21 июля 1763 г., обнаружена нами в фондах Государственного архива Тюменской области в виде копии с разными пометами, в том числе с пометой «(с подлинною) челобитною читал за подканцелярист Иванъ Милкеевъ», удостоверенной подписью секретаря Якова Нестерова [И-47, оп. 1, д. 1761, л. 72, 72 об., 74]. Приведем ниже текст этого документа, графически выделяя скрепы предикативных частей и подчеркивая напрямую перенесенные из «Формы о титулах императрицы Екатерины II» компоненты челобитной:

«№ 1051. Подана июля 28 де 1763 году.

Записав сообщит.

К отпуску.

Копия

Всепресвѣтлѣишая державнѣишая великая Государыня Императрица Екатерина Алеѣевна самодержица всероссиіская Государыня всемилостивѣишая

Бьет челом Тюменского уезду юрть Акиярских бухаретин Абукаи Асклевъ на тюменского новокрещеного татарина Исака Трифанова **а** *в чемъ мое прошение тому следуютъ пункты»...*

В данной вступительной части формула адресанта (потерпевшего), субъекта челобития, содержит 5 компонентов, каждый из которых «ответствен» за включение челобитчика в ту или иную социальную группу по принципу их сужения от общего к единичному: первые два указывают на административно-территориальную характеристику и включают в себя имена собственные и термины *уезд, юрты*, следующий определяет национально-социальный признак (*бухаретин*), далее имя и фамилия; номинация ответчика, на которого челом бьет истец, включает в себя оттопонимическое прилагательное, информацию о перемене ответчиком веры и о его национальности (*новокрещеный татарин*), далее имя и фамилия. Отметим, что слово *ответчик* заимствовано нами из затекстовой резолюции к документу тюменского воеводы Полстовалова.

Прочие номинации челобитчика в документе обусловлены их позицией внутри текста: в основной части — *от меня, за мною рабом вашим, меня*; в собственно прошении — *мне рабу вашему, мне*. Отметим, что все номинации даны в форме косвенных падежей, в позиции объектного дополнения, что указывает на пассивную роль челобитчика в создавшейся ситуации. Отсылка к сфере интересов челобитчика осуществляется в документе частотным притяжательным местоимением *мой*.

Прочие номинации ответчика: в основной части — *вышеписанной Исака Трифанов, которой, оной Исака Трифанов*, в собственно прошении — *реченной Исака Трифанов, им*. Преобладает активная роль (морфологическая и синтаксическая: им. п. с субъектным значением в позиции подлежащего) в создании текстовой структуры, отражающая активность деятельности ответчика в описываемой ситуации.

... «1

с прошлых летъ отцом моим роднымъ Асклем Кубаевым куплень был дворовои калмыцкои природы Юлаи Кутлубаевъ юрть Каскаринских у бухаретина Баки Овсова; да у бухаретина ж Шабы Ашменева куплена ж дворовая женка Карабига **на которых** ъмелис от крепостных дел купчие крепости **а** реченной Юлаи Кубаев по прошедшей генеральной ревизиі написанъ за отцом моим Асклемъ Кубаевым дворовымъ и с сыном Юмачиком **которои** дворовои Юлаи в доме отца моего и умре назать тому пятои год **а** в доме отца моего осталася жена оного Карабига с сыном Юмачикомъ **которыи** ныне показаны от меня оные Юмачикъ ъ с матерью ево Карабигои по наследству дворовыми людьми скаскою бухарскому старшине Атиль Шарыпову за мною рабом вашимъ **а** вышеписанной новокрещенои Исакъ Трифанов **а** отцу моему Асклу Кубаеву был брад роднои ъ будучи в махометан-

ском законе убил до смерти бухаретина Миисю **которои** за то убивство пытанъ в застенке и шельмован публично кнутом ј принял святое крещение и за то освобожденъ смертнои казни ј при жизни отца моего будучи приездом в гости на вышеписанных дворовых Юлая и жену ево Карабигу јз ящика крепости украл и до нынешняго времени имеет у себя и умершаго дворового Юлая сына ево Юмачика ј с матерю Карабигои хочеть взять к себе напрасно по выкраденым **какъ** выше значить по купчимъ крепостям гласящим на имя умершаго отца моего Аскля Кубаева безнаследно обо онои Исакъ Трифанов некрещеных дворовых моихъ людии хочеть продать другим во владение а меня темъ напрасно не обидеть»...

Основная текстовая информация, которую следует по «Форме о титулах...», «писать пункт за пунктом», оформлена в этой челобитной одним пунктом, состоящим из 11 предикативных частей. Ниже схематически восстановим грамматическую структуру документа, порядковыми номерами указывая предикативные части, шрифтом выделяя союзные средства связи и в скобках помещая компоненты грамматической основы:

1 (куплен был Юлай Кутлубаев) **да** 2 (куплена ж Карабига) **на которых** 3 (имелись купчие крепости) **а** 4 (Юлай Кубаев написан) **который** 5 (Юлай умре) **а** 6 (осталася Карабига с Юмачиком) **которые** 7 (показаны дворовыми людьми) **а** 8 (Исак Трифанов... [а 9 ...был брат родной]... убил) **которой** 10 (пытан, шельмован, принял святое крещение, освобожден, украл, имеет, хочет взять) **обо** (?) 11 (Исак Трифанов хочет продать).

Отношения между шестью сочиненными предикативными частями соединительные, с сопоставительным и выделительным оттенками. Четыре придаточных определительных вводятся в синтаксическую структуру союзным словом **который** и содержат дополнительную информацию о предмете речи из главной части. Семантика таких сложноподчиненных конструкций: факт из прошлого и его «результат», «след в настоящем», актуальный в момент составления документа. Написанное перед последней предикативной частью прочитывается как **обо** (ибо ?), содержание этой части — подведение итога всему сказанному в основной части и выражение вытекающего из него следствия — имеющегося, по мнению челобитчика, у ответчика намерения продать не принадлежащих ему дворовых людей «другим во владение», что челобитчик воспринимает как напрасную себе обиду.

Описываемая в документе *ситуация* затрагивает интересы челобитчика как наследника, и потому в первую очередь в тексте (1–7 предикативные части) подается информация о составе наследства («калмыцкой природы» Юлай Кутлубаев, его жена Карабига и его сын Юмачик) и о документах (купчие крепости и сказка), подтверждающих права собственности как отца челобитчика, Аскля Кубаева, так и самого челобитчика, Абукая Асклева. Кроме семьи челобитчика, в документе указываются также прежние владельцы дворовых людей, так как проблемная *ситуация* документа — подтверждение прав собственника на оставшихся в живых дворовых Карабигу и Юмачика. На эти права, как это становится известно из следующих предикативных частей источника, посвященных новому в повествовательной части документа лицу, но уже названному в предваряющей пункты челобитной части — *вышеписанному новокрещеному Исаку Трифанову*, незаконно претендует родной брат отца челобитчика, получивший после крещения имя Исак Трифанов. Следующая часть документа содержит биографические сведения об этом незаконном претенденте, свидетельствующие о двух его явных преступлениях: во-первых, старом — об убийстве бухаретина Миися, которое является доказанным и за которое Исак Трифанов «шельмован публично кнутом»; во-вторых, новом — о краже купчих крепостей на тех же Карабигу и Юмачика из ящика в доме брата, о чем челобитчик, вероятно, впервые сообщает властям. Обращает на себя внимание синтаксическая структура этой части документа, в которой при

одном подлежащем — союзном слове **которой** — нагнетается 7 сказуемых, связанных сочинительной связью (*пытан и шельмован и принял крещение и освобожден и украл и имеет и хочет взять*), как именных, так и глагольных. Вероятно, с точки зрения челобитчика, человек, раз совершивший преступление, но избежавший сурового наказания за него, способен и на следующие преступные деяния, и поэтому «биографическая справка» о первом, официально признанном, преступлении Трифанова, казалось бы, не связанном напрямую с заявленной в начальной части документа ситуацией, оказывается необходимой для будущего свидетельствования необоснованности, незаконности желания Трифанова иметь у себя во владении Карабигу и Юмачика и в дальнейшем продать их «во владение другим». Видимо, и факт перемены веры — переход из «магометанского закона» в православие, — позволивший ответчику избежать смертной казни за совершенное им убийство, включен челобитчиком в документ как аргумент против ответчика, в совокупности с другими неблагоприятными его действиями способный создать негативное впечатление об ответчике у адресата челобитной и тем самым способствовать принятию адресатом желаемого челобитчиком решения.

По окончании пунктов, «в начинании прошения», в соответствии с «Формой о титулах...», помещается вводимое скрепой **и дабы** безличное предложение с грамматической основой *повелено было*, после которой следует собственно прошение, индивидуальное в каждом конкретном документе:

«... **и дабы** высочайшимъ вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение принять а у реченного Исака Трифанова на купленных отцом моим людеи умершаго Юлая и жену ево Карабигу украденные имъ крепости отобрать и отдать мне рабу вашему **дабы** оные оставшие дворовые отца моего люди Юмачикъ j с матерю ево Карабигои были по наследству мне крепости всемиловитѣишая Государыня прошу вашего императорскаго величества о сем моем доношениі** решение учинит октября* 10* дня*

к поданию надлежить в тюменской воеводской канцеляриі прошение писал онои ж канцеляриі копеистъ Федоръ Мосягинъ» [помеченное звездочкой * вписано в документ по стертому; помеченное ** в государственном образце обозначается термином челобитье].

В анализируемой челобитной содержание прошения передается сочиненным рядом объектных инфинитивов *прошение принять... крепости отобрать и отдать мне*, после которого следует целевое придаточное с союзом **дабы**, в котором формулируется цель обращения челобитчика к власти — сохранение за ним прав на дворовых отца по праву наследства, закрепленного в документе — крепости.

В окончании челобитной сохранена форма обращения к формальному адресату и обязательная, в соответствии с установленным образцом, синтаксическая конструкция с глагольным предикатом *прошу*, в которой отмечаем лексическую замену при названии жанра документа: вместо предлагаемого «Формой о титулах...» челобитья употребляется *доношение*. В клаузуле — информации о писавшем документ — этот же документ называется *прошение*. И только в следующей ниже резолюции — *копией с челобитья*.

Итак, далее на этих же архивных листах другим почерком записана резолюция, подписанная воеводой города Тюмени Михаилом Полстоваловым:

«1763 году июля 21 дня

по сеи с челобитья реченного Абулая Асилова копий объявленной ответчик новокрещенои татарин Исак Трифанов в тюменскую воеводскую канцелярию к суду в указной срокъ то есть июля двацеть* восмаго* числа*: явитца долженству-еть со всеми х тому делу писменными документы или доказательства не позднее осмаго часа с полуночи поутру: *секундъ маеѡр Михаила Полстоваловъ*» [помеченное звездочкой * и курсивом вписано новыми почерками].

Анализ лексического и морфологического состава основной части челобитной (соответствующей узаконенным пунктам), в которой описывается создавшееся положение вещей, дает следующие результаты: на 45 существительных приходится 28 глагольных форм, 26 местоимений, 11 прилагательных и 6 наречий, что подтверждает именной констатирующий характер челобитной как разновидности деловой письменности. Самыми частотными словами в документе оказались притяжательное местоимение *мой*, употребленное в пунктах 8 раз, существительные *отец* (7 употреблений) и *дворовой* (5 употреблений), что спровоцировано спецификой объекта интенций челобитчика: в документе речь идет о наследстве, т. е. об «имуществе (*дворовой*), остающемся после смерти владельца (*отец*) и переходящем в собственность кого-либо (*мой*)» [МАС: 396]. Отмечены также 4 фиксации местоимения *который*. Трижды зафиксированы существительные *бухаретин*, *сын*, местоимения *оний*, *меня*, дважды употреблены существительные *дом*, *жена*, *мать*, прилагательные *родной*, *вышеписанный*, причастие *куплен(а)*, наречие *напрасно*, устойчивые словосочетания *купчая крепость*, *дворовые люди*, которые, как правило, фиксируются и в последней части документа, собственно прошении, кроме оценочного наречия *напрасно*. Наблюдения приводят к выводу, что единственная в тексте документа оценочная лексема — наречие *напрасно* — имеет отношение скорее к описанию потенциального состояния челобитчика, которого он опасается и о котором предупреждает властную инстанцию. Экспрессивных и оценочных слов, относящихся к характеристике ответчика Трифанова, в документе нет. Таким образом, можно сделать вывод, что, апеллируя к мнению верховной власти, челобитчик стремится только объективно изложить факты, само содержание и последовательность которых составляет *ситуацию*, то есть рационально, а не эмоционально воздействовать на адресата.

Вероятно, именно документы, аналогичные анализируемой челобитной Абукаева Асклева, в которых частное лицо сообщает о совершении преступления, и в результате этого сообщения предпринимается судебное расследование (о чем в исследуемом случае можно судить по содержанию резолюции тюменского воеводы), в делопроизводстве XIX века могли называться и *доносами*, и, по терминологии Судебных Уставов 20 ноября 1864 г., *объявлениями частного лица* [Сл. Брокг. и Ефр. Т. XI: Донос]. Термин *объявление* в отношении российской судебно-административной практики предыдущих веков толкуется как *публикация*, то есть 'способ доводить о чем-либо до всеобщего сведения' [Сл. Брокг. и Ефр. Т. XXI А: Объявление; Т. XXV А: Публикация], предполагающий устное провозглашение какого-либо документа в местах массового народного скопления. Значение глагола *публиковать* 'оглашать', например, в церкви, сохраняется в сочетаниях, встреченных нами в документах других жанров (важно заметить, что в тюменских рукописных материалах *объявления* как самостоятельный жанр документа фиксируются нами начиная с 1763 г.). При этом для адресата важна была сила заявленных в челобитной (или другом «инициативном» документе — доносе, объявлении и т. д.) доказательств, и потому в резолюции воеводы Полстовалова, кроме информации о том, на каком основании («*по сей с челобитья ... копии*»), кто, куда, зачем и когда «*явиться долженствует*» (все эти сведения указаны в препозиции к единственному в тексте сказуемому), отдельно, в постпозицию к сказуемому, то есть в рематически более сильную позицию, помещается требование о предоставлении суду «*письменных документов или доказательств*», которые должны войти в состав будущего судебного дела, так как в соответствии со сложившейся, по крайней мере, позднее, практикой, если документ «не заключает в себе доказательств, он, тем не менее, записывается в протокол, «для ведома впредь» [Сл. Брокг. и Ефр. Т. XI: Донос]. Обратим внимание, что в самой челобитной истец Аскев ссылается на письменные документы на право владения дворовыми Карабигой и Юмачиком, но сообщение о

краже купчих крепостей на этих дворовых ответчиком Трифановым не подкреплёно никакими аргументами или другими свидетельствами, как и информация, скорее предположение, о наличии у ответчика *желания* продать не принадлежащих ему, судя по челобитной Асилова, дворовых людей.

Таким образом, в рассмотренной челобитной реализуется структура «конфликтного треугольника» [Ушакова 2000: 49, 99]: а) выражается отрицательная оценка *противника* и его действий, проводится его разоблачение и обвинение; б) выражается оценка *говорящего* как законопослушного (ссылающегося на имеющиеся законные документы), но несправедливо обижаемого члена общества; в) *третья сторона* призывается как объективный судья (т. е. в отношении ее подразумевается похвала), который побуждается к действиям. Как видим, в челобитной Абукая Асклева вербализованы следующие интенции конфликтного дискурса: обвинение, одобрение, побуждение к действию, отвод обвинений от говорящего, разоблачение, похвала, самоохранение (осторожность), предупреждение. Часть их (обвинение, побуждение к действию, похвала) предусмотрены государственным образцом челобитной как разновидности делового дискурса и входит в его трафарет, обеспеченный закрепленностью синтаксических конструкций и их лексического наполнения, часть интенций более субъективирована и зависима от конкретности описываемой конфликтной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
2. Васильева А. Н. О целостном комплексе стилеобразующих факторов на уровне макростилей // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986.
3. Зиновьева Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология. СПб., 2000.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998.
6. Краткий словарь видов и разновидностей документов / Отв. ред. А. С. Малитиков. М., 1974. (В тексте – Малитиков).
7. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб., 1999.
8. Сумкина А. И. Синтаксис московских актовых и эпистолярных текстов XVIII в. М., 1987.
9. Трофимова О. В. Тюменские челобитные последней трети XVIII века: анализ структуры и семантики // Вестник Тюменского государственного университета. 2001. № 4. Тюмень, 2001. (Трофимова 2001а).
10. Трофимова О. В., Тарасова О. П. О коммуникативной модели челобитных (на материале тюменских челобитных на имя Екатерины Второй) // Славянские истоки словесности и культуры в Западной Сибири. Ч. I. Тюмень, 2001. (Трофимова 2001б).
11. Тюменская деловая письменность: 1762–1796 годы. Кн. I: Аннотированный хронологический указатель рукописных материалов царствования Екатерины Второй из фондов Государственного архива Тюменской области / Сост. О. В. Трофимова. Тюмень, 2001. (Трофимова 2001в).
12. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000. (Ушакова).
13. Bobryk Jerzy. Jak tworzyć rozmawiając. Skuteczność rozmowy. Warszawa, 1995.

СОКРАЩЕНИЯ

- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. XVI. № 11. 590.
 САР – Словарь Академии Российской. Ч. I. СПб., 1789; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. VI. СПб., 1822.
 СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6 (Грызться – Древний). Л., 1991.
 Сл. Брок. и Ефр. – Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). Т. XI. СПб., 1893; Т. XXI А. СПб., 1897; Т. XXV А. СПб., 1898.
 МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Т. II. М., 1986.

Ханиса Чавдатовна Алишина

**«СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТОВ...» Д. Г. ТУМАШЕВОЙ –
 СОКРОВИЩНИЦА ЯЗЫКОВОГО БОГАТСТВА
 СИБИРСКИХ ТАТАР**

Среднее течение Иртыша, бассейны рек Ишима и Тобола, которые ныне населяют сибирские татары, стали в VIII–X вв. местом притока больших масс кыпчакских и кимакских племен, этническое ядро которых сложилось в Прииртышье после гибели Западнотюркского и Древнетюркского каганатов (IX–XI вв.) Лексика сибирских татар обнаруживает сходство с руническими памятниками VIII–IX вв. и, главным образом, с памятниками уйгурской языковой традиции X–XIII вв.

«Словарь диалектов сибирских татар» увидел свет в 1992 году. Это издание стало определенным знаком, символом, результатом сорока лет кропотливой работы Диляры Гарифовны Тумашевой по исследованию диалектов сибирских татар.

Первый опубликованный труд назывался «Татарские диалекты Западной Сибири». Собственно, эта тема, некогда специально сформулированная профессором Э. В. Севортяном, определила всю дальнейшую научную судьбу юной студентки, аспирантки МГУ им. М. В. Ломоносова Диляры Заббаровской. Во введении к кандидатской диссертации, выполненной и защищенной под руководством Н. К. Дмитриева в 1952 г., читаем: «Диссертация ставит своей целью систематическое описание основных особенностей одного из западносибирских диалектов, а именно языка тюменских татар, выяснение его отношения к татарскому литературному языку и его места среди других татарских диалектов Сибири».

Материалы к диссертации собирались в Тюменской области во время пяти диалектологических командировок в течение 1948–51 гг. В этот период аспирантка Заббарова обследовала 14 татарских юрт Тюменского района и говор д. Сатылган (Медянки) Тобольского района. К работе были привлечены студенты татарского отделения Тюменского учительского института, собравшие дополнительный материал по Ялуторовскому и Тобольскому районам.

Полевой материал был тщательно проанализирован и обобщен. Заголовки глав диссертации позволяют четко представить направления научной мысли автора: «Исторические сведения о сибирских татарах», «История изучения языка сибирских татар», «Фонетика тюменского диалекта», «Грамматический строй тюменского диалекта», «Лексические особенности тюменского диалекта».

Изучение основного словарного фонда тюменского диалекта позволило автору систематизировать материал по тематическим группам: термины родства, бытовая